

ЛЕКЦИЯ 5

В прошлый раз мы с вами закончили разговор о проскомидии, т.е. о приготовлении приношений для совершения Божественной литургии. После

Вы, конечно, знаете, что каждение есть символ молитвы и в то же время символ благодатного присутствия Божия. Таким образом освятив весь храм перед совершением Божественной литургии, дьякон возвращается в алтарь, подходит к престолу, где стоит священник, и они совершают вместе короткую молитву перед началом литургии. Священник, воздевая руки, молится: "Царю небесный, Утешителю, Душе истины..." А затем второй раз воздевает руки и говорит: "Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение..." — дважды. И в третий раз воздевает руки и молится: "Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу того как священные сосуды с приготовленным на них агнцем — частицами, вынутыми в честь Божией Матери, святых, в честь живых и усопших, — и чашей с вином с добавлением воды — все это покрыто специальными покровцами, или воздухами. После этого священник совершает каждение и отпуст. Дьякон отверзает завесу царских врат и совершает полное каждение храма, т.е. сначала кадит алтарь, престол, жертвенник, горнее место, иконы, а затем иконостас, клирос, народ и весь храм. Твою..." А дьякон говорит на это: "Время сотворити, Господи, владыко, благослови...". Священник благословляет его со словами: "Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Да исправит Господь стопы твоя, да помянет тебя Господь Бог во Царствии Своем". Дьякон выходит на амвон и провозглашает: "Благослови, владыко".

Все присутствующие в храме обычно видят только этот момент, когда дьякон говорит: "Благослови, владыко". А священник в ответ совершает громкий начальный возглас, литургийный возглас: "Благословено Царство Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь". "Аминь" поет уже клирос.

Во время этого благословения священник поднимает Евангелие над престолом, над антиминсом, совершает этим Евангелием крестное знамение и полагает его на место.

Этот возглас имеет особенную непосредственную связь с литургией. Литургийная служба начинается обычно с возгласа: "Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков". Или, скажем, всенощная или утренняя имеют возглас: "Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице всегда, ныне и присно и во веки веков". И только литургия имеет возглас: "Благословено Царство...". Почему это так, почему здесь говорится о Царстве?

Потому что именно литургия, если хотите, низводит Царство Божие на Землю, а по-другому можно сказать — открывает нам врата Царства Небесного. Литургия есть явление Царства Небесного здесь, на Земле. Это Царство Божие, пришедшее в силу. Именно литургия вводит нас в полноту этого Царства, этой жизни с Богом. В литургии мы соединяемся со Христом, соединяемся, можно сказать, так глубоко, так полно, как не мог бы придумать человек. Это соединение имеет в себе особенную таинственную силу, силу животворящую, которая дает нам вечную жизнь, не только сегодня животворит нас, но соединяет нас с Вечностью, открывает нам дорогу в эту Вечность. Именно это Царство Божие, пришедшее в силу, здесь и есть Церковь, т.е. можно сказать,

— 2 что Церковь, о которой мы уже говорили с вами, что Церковь это литургия, Церковь — это есть Царство Божие. Возглас священника как раз благословляет это Царство, приветствует его. Священник с самого начала как бы громко приветствует: "Вот, Господь грядет к нам, и с Ним грядет Его Царство Небесное к нам, Царство Отца и Сына и Святого Духа".

После возгласа дьякон немедленно возглашает мирную ектению. Вы знаете, что существует несколько разных дьяконских прошений. Они имеют названия: мирная ектения, сугубая ектения, просительная ектения и др. Мирная ектения имеет особое значение, с нее начинается каждая большая церковная служба. Называется она так потому, что первые ее слова — "Миром Господу помолимся". Но "миром" в русском просторечии стало пониматься так: всем миром помолимся, т.е. все вместе помолимся, потому что весь собравшийся в церкви народ назывался этим словом: весь "мир", "помолимся всем миром". И даже на всё мироздание перешло это название — "мир".

Но это, конечно, вопрос филологический. Я тем не менее позволю себе высказать мнение, что тут, наверное, велико значение мирной ектении, что на Руси даже и народ, и весь земной шар стали называть "миром". Первоначальное значение, смысл этих слов, конечно, иной. Можно было сказать "с миром Господу помолимся", т.е. в мире духовном будем молиться Богу.

Следующее прошение звучит аналогично. Значит, будем молиться в мире — о чем? "О Свышнем мире", о том, чтобы нам был дан этот вышний мир. "О Свышнем мире и спасении душ наших Господу помолимся. О мире всего мира..." Здесь уже "мир" используется в двух значениях: о том, чтобы весь мир, все мироздание пребывало бы в мире.

Эта ектения содержит в себе прошения "о святем храме сем", о Патриархе и всем священническом чине, о богохранимем стране нашей, о граде сем или о веси сей, т.е. о том месте, где мы живем, о

благорастворении воздуха и изобилии плодов земных, о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их, о том, чтобы избавиться нам от всякой скорби, гнева и нужды. Иначе говоря, эта ектения является собой удивительную, великую молитву, где очень кратко, удивительно емко содержится прошение о всем самом главном, без чего не может быть нашей жизни, о всем великом. И грустно, когда эта ектения является для нас столь привычной, что мы уже не способны вкладывать в эти удивительные прошения сердечную молитву свою, когда мы автоматически слушаем, что поет дьякон, что поет хор, а сами отсутствуем в это время своим сердцем.

Для того чтобы вы поняли силу этой молитвы, я приведу вам эпизод из своей жизни. Вы знаете, наверное, многие, что у меня был замечательный духовный отец, старец, отец Всеволод. Он был очень заслуженным протоиереем, настоятелем был очень много лет и, конечно, всегда служил с дьяконом. И поэтому никогда не произносил мирную ектению, всегда ее произносил дьякон. Я, конечно, тоже к этой ектении привык и уже как-то пропускал ее мимо ушей, как обычно мы это делаем.

Но вот однажды случилось так, что я пришел в будний день на службу и почему-то отец Всеволод служил без дьякона. Он вышел на амвон и стал говорить мирную ектению. И для меня это было просто открытием, я вдруг услышал что-то совсем другое, то, чего я никогда не слышал, потому что он так молился, произнося мирную ектению, что для меня буквально открылся весь мир. Я почувствовал, что это молитва действительно о всем мире, за весь мир, в этой молитве утверждается мир...

— 3 -

А ведь так должно быть всегда, чтобы все мы с вами участвовали в этом утверждении мира, чтобы от нашей молитвы этот мир стоял в мире. Если бы так мы все молились, все дьяконы, все священники и все православные христиане, так от всего сердца молились бы Богу о мире всего мира, уверяю вас, не было бы тогда войны и не было бы раздоров, которые нас так мучают.

Вот сейчас ко мне подошел один студент старшего курса и просил направить Патриарху письмо об усиленном молении против раздоров и о мире. Это, конечно, инициатива неплохая. Но я не удивлюсь, если Патриарх спросит нас всех с вами и этого студента: "Как вы мирную ектению каждый день произносите? Вы же молитесь о мире всего мира. Разве там нет этой молитвы? Разве Церковь не молится всю свою жизнь каждый день, по нескольку раз в день, разве она не молится о мире всего мира? Разве не вменено это нам в обязанность первую, и разве не с этого начинается наша литургия — с того, чтобы вспомнить весь мир и умолять Господа о мире всего мира, о благословении всех Божиих церквей, о граде сем, о том, чтобы здесь действительно силой Божией и благодатью Божией утверждался мир и утверждалась добродетельная, святая жизнь. Это именно и есть миссия Церкви в этом мире. Именно так приходит сюда Царство Божие — через Церковь. Приходит сюда в силе, и сама наша мирная ектения как раз является это пришествие Царства Божия. Это Царство Божие как бы вступает в войну со злом и отвоевывает у этого зла нас, наши души и наш народ. И от нас зависит, насколько успешно будет это отвоевано. Так что каждое слово службы вообще, и Божественной литургии в особенности, должно, конечно, произноситься нами от всего сердца и с пониманием того космического значения, которое имеет Божественная литургия в нашей жизни. Потому что литургия — это не просто какой-то один молебен. И молебен церковный, молебен святого человека, молитва имеют величайшее значение, конечно, и молитвами такими утверждается жизнь на Земле. Но Божественная литургия — это есть нечто совершенно особенное, это есть нечто превосходящее всякий разум, потому что это есть действительно пришествие Божие к нам, это есть снова пришествие Сына Божия, это снова есть явление в силе Царства Божия, это снова есть наше приобщение к Святой Троице. И ходатайство Церкви перед Богом имеет особую силу, если оно произносится нами от всего сердца, а не только устами, если это не просто какой-то хор поет какую-то очень красивую, может быть, с музыкальной точки зрения ектению, а мы пришли послушать ее только как концерт или какую-то новую вариацию на тему мирной ектении.

Есть пластинка с записью голоса Шаляпина, произносящего мирную ектению. И люди восторгаются: вот как хорошо он взял ноту, каким низким басом сказал: "Господу помолимся". Если мы так будем приходить в церковь, тогда это будет просто профанацией. Я не против Шаляпина, но ему не следовало бы упражняться в таком амплуа. Ектения — это не повод для того, чтобы показать свой бас, продемонстрировать чудеса исполнительского мастерства. Это молитва. Как и вся литургия — это молитва. И если не будет у нас молитвы, тогда все это обратится против нас просто потому, что мы будем кошунниками и просто будем компрометировать Церковь.

После мирной ектении всегда следует священнический возглас: "Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь". Вы понимаете, что это значит: потому что Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение. Но какая тут связь?

— 4 -

Мы говорим: "Миром Господу помолимся", "О Свышнем мире помолимся". В конце произносим: "Заступи и спаси и помилуй", и последний возглас дьяконский, особенный совершенно и чрезвычайно

глубокий, таков: "Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувшие, сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим". То есть, помянувшие Божию Матерь и всех святых, сами себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу предадим. И потом вдруг: "Потому что подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение...". Можно, конечно, как-то связать все это, хотя тут нет даже связи грамматической. Сначала в ектении есть обращение к народу: "Помолимся...", а потом в заключение: "Потому что подобает Тебе...". Даже грамматически это не согласуется. В чем тут дело?

Этот вопрос нужно вам сразу понять, потому что таким странным образом будет дальше продолжаться вся литургия. Дело тут в том, что священник в это время, как написано, тайно читает молитву. Скажу буквально: "Священник глаголет тайно молитву первого антифона". Глаголет — значит говорит. Как можно говорить "тайно"? Шепотом? На ухо? Что это значит?

Молитва такая: "Господи Боже наш, Егоже Держава несказанна и слава непостижима, Егоже милость безмерна и человеколюбие неизреченно! Сам, Владыко, по благоутробию Твоему, призри на ны и на святыи храм сей и сотвори с нами и молящимися с нами богатыя милости Твоя и щедроты Твоя". И дальше — возгласение: "Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь."

Как видите, здесь все совершенно грамотно. Эта молитва относится к Богу: "Господи Боже наш..." и заключается: "Яко подобает Тебе всякая слава..." Кому? "Отцу и Сыну и Святому Духу", т.е. Богу-Троице. Молитва обращена ко Святой Троице. И последние слова, которые произносятся возгласно, т.е. громко, являются просто придаточным предложением, т.е., иначе говоря, окончанием этой молитвы. И вот такая странная ситуация, как я уже сказал, будет сопутствовать нам во время всего служения литургии, т.е. мы будем постоянно слышать, как священник громко возгласает из алтаря разные придаточные предложения: "Яко Тебе подобает...", "Яко Твоя Держава...", "Яко Благ и Человеколюбец...", "Яко милостив и Человеколюбец еси..." и т.д. Все "яко" и "яко", т.е. "потому что". "Потому что Ты милостив и Человеколюбец", "Потому что Твоя Держава" (т.е. власть). В чем же тут дело? И что значит: "Священник тайно глаголет молитвы антифона"? Почему тайно? Что это — секрет какой-то?

Как видим из текста, никакого секрета нет и нет ничего такого, чего нельзя было бы слышать всем находящимся в храме. Напротив: молитва очень хорошая, очень глубокая, и было бы замечательно, если бы ее произносили так же, как все молитвы, если бы в ней участвовали все молящиеся. Но что же все-таки значит слово "тайно"?

Во многих случаях это действительно означает, что священник должен читать молитву в алтаре про себя, тихо. Но первоначально в греческих служебниках это слово употреблялось совсем в другом смысле: там имелось в виду, что молитвы тайные, до которых мы потом с вами дойдем, просто являются молитвами таинства, они вовсе не являются секретными молитвами, которых никому нельзя говорить, которые можно говорить только посвященным или только тихо, про себя. Вовсе нет. Они просто являются молитвами этого великого таинства, таинственными (с ударением на "а") молитвами. Или таинственными (на "и") молитва

— 5 ми, и так можно сказать, но не в значении "секретными", запретными, запрещенными, которых нельзя знать непосвященным.

Мы к этому вопросу должны будем вернуться еще несколько раз во время изучения литургии. Но сейчас я скажу вам, что тем не мене, хотя таких молитв, секретных и запрещенных, у нас в церкви просто нет и не может быть по самому смыслу, тем не менее во время литургии почти все молитвы священник читает в алтаре, читает их тихо, про себя, иногда вообще молча, одними глазами — так, что их не слышат даже присутствующие в алтаре, а иногда он читает вполголоса или шепотом — так, что не слышат те, кто находятся вне алтаря. Почему это происходит?

Тому есть много причин. Одна из них — та, что наш народ, и не только наш, а еще с древности — греческий, например, оказался не способным внимательно молиться в течение сколько-нибудь длительного времени. Оказался не способным вникать в молитвы, несущие в себе особое глубокое содержание, а поскольку литургия является, по существу, одной непрерывной молитвой или, может быть, двумя, тремя, то в течение полутора-двух часов молиться народ, оказывается, не умеет. И если бы мы с вами поставили такой эксперимент: убрали бы хор, а просто священник стал бы громким голосом молиться среди народа (ну, пусть дьякон говорил бы ектении, а священник читал бы молитвы после этого), то мы бы увидели, что народ или просто ушел или отключился бы, отсутствовал, как мы с вами отключаемся, когда дьякон говорит ектению, а мы этому не придаем никакого значения. Это, мол, пускай он говорит, а мы тут стоим и занимаемся своими делами: кто ищет рубль или теперь уже сто рублей на записку, кто ставит свечку, кто раздевает своего ребенка, а кто еще что-нибудь делает, но только не молится. Попробуйте найти человека, который молится во время мирной ектении, скажем, или во время какой-нибудь другой ектении: "Паки и паки...". Я думаю, что если найдете одного или

двоих таких в храме, то вам повезло. И поскольку народ вот так сосредоточиться и молиться не умеет, то Церковь как бы вынужденно, постепенно, а может быть, даже воспринимая опыт ветхозаветной церкви (даже скорее всего именно так, и наверняка так), пришла к другому способу служения. Т.е. в нашем богослужении участвует не только сила нашего разума, не только наше внимание, наше "рацио", когда мы должны понимать каждое слово и это слово через свое сердце возносить к Богу — вот что такое молитва в обычном понимании слова, — и не только такой способ молитвы использует Церковь, но и другой. Какой?

Церковь использует еще и эмоциональный способ, кроме рационального, т.е. включает наше сердце, нашу душу другим способом. Иконы, которые помогают нам молиться, которые настраивают наше сердце на молитву, на особенное расположение духа.

Взгляните на настоящую хорошую икону, древнюю икону, скажем, Владимирскую. Глядя на нее, мне кажется, почти невозможно не молиться Богу, по крайней мере как-то не возвыситься в душе к Богу — невозможно.

Оказывается, искусство церковное тоже имеет громадную силу. Оно может нас подвигнуть, приблизить к Богу. Оно очищает. Взирая на такой лик, какой являет нам Владимирская икона, мы сразу же очищаемся сердцем, нас оставляют дурные помыслы, всякая суета. Чем больше вы стоите перед иконой, тем больше сосредоточивается ваше сердце, оно как бы устремляется безмолвно к Богу. Может быть, вы ничего не говорите, ни о чем не думаете, но сердце ваше все больше сосредоточивается и как бы открывается перед Богом. Это — тоже молитва.

— 6 —

Пение церковное в еще большей степени есть молитва, потому что оно соединяет в себе содержательную сторону и сторону эмоциональную. Поются определенные стихиры, молитвы, т.е. доносится до нас рациональный смысл какого-то прошения, и здесь используется искусство чрезвычайно высокое и сильное. И настоящее церковное пение, может быть, легче всего, быстрее всего научает нас молиться. Вы сами знаете, что древние, особенно красивые, песнопения буквально нас научают молиться, помогают нам, как бы влекут нас к молитве. И вот Церковь с древности, еще с ветхозаветных времен, пошла по этому пути — не только использовать рациональные возможности человека, которые, оказывается, не так велики, но и включить его душу, его эмоциональную природу.

Так вот в литургии с самого первого момента мы слышим церковное пение. Это пение нас поднимает, и ведет, и нашу немощь восполняет. Более того, я думаю, что, может быть, найдутся некоторые богословы современные, которые меня упрекнут в том, что я говорю что-то с их точки зрения совсем неразумное, но я дерзну сказать. Конечно, богословие — это прежде всего слово, ведь слово — это есть "логос", это есть разумное прославление Бога. Но мы же говорим: "умозрение в красках", "богословие в красках" — об иконе. Эти слова принадлежат замечательному русскому философу Евгению Николаевичу Трубецкому. Т.е., живописные образы тоже имеют, оказывается, способность побуждать нас к богословию, к умозрению. Так вот, можно сказать, что церковное пение — это "умозрение в звуках", оно тоже может открывать нашему сердцу Бога. Конечно, это не вполне богословие, но если поются слова молитвы, если прославляется Бог словесно, то тогда уже можно этому пению дать название "богословие звуков".

Церковь поняла, что оно имеет огромную силу, огромное значение. Свою литургию, свое служение Церковь соединила с такими средствами умозрения. И там, где мы не можем быть внимательными, не можем сосредоточиться, собрать силу своего разума, где мы не можем преодолеть привычку к одним и тем же словам, — там Церковь помогает нам вот этим прекрасным, чудным пением. И идет даже на то, чтобы очень важные молитвы произносил только священник, а большинство молящихся в храме чтобы получали как бы адаптированный, сокращенный вариант, очень даже сокращенный. И отсутствие громогласной молитвы вслух восполняется общим пением.

Роль церковного пения нужно было бы обсудить еще глубже и полнее, чем это сейчас возможно, потому что на самом деле она чрезвычайно велика, и то сердечное знание Бога, которое мы получаем через пение, гораздо больше, чем мы думаем. Это действительно достойное служение Богу, это действительно великое служение Богу — церковная музыка.

Но, конечно, изучая литургию, мы должны прежде всего изучить те молитвы, которые нам оставили святые отцы, которые вошли в предание Церкви. И должны знать, что даже если мы не слышим ту молитву, которую произносит священник в алтаре, то возглас священника эту молитву как бы здесь символизирует, указывает нам на то, что священник здесь молится. И мы должны тоже молиться с ним вместе, если не во всей полноте, то посильно участвуя в молитве сердцем.

Но есть сейчас, как я уже сказал, священники, которые пытаются вернуться к древней первохристианской традиции, которые хотят убрать иконостас, чтобы он "не мешал". А еще они хотят, чтобы все молитвы читались вслух, хотят даже перевести их на

— 7 русский язык, чтобы они были более понятны. Такие священники есть у нас, и движет ими, конечно, доброе желание. Но я почему-то уверен, что им ничего этого сделать не удастся. И не только потому, что не позволит епископ или косный народ заподозрит в них какое-то обновленчество, коль скоро они переводят на русский язык молитвы и рушат иконостас, который, по традиции, уже освящен русской церковью. А прежде всего потому, что народ и вообще Церковь не смогут отказаться от своего служения Богу древним способом — в церкви и с пением. Потому что народ и сейчас уже не предпочтет словесную литургию той литургии, которую мы имеем вот уже в течение многих и многих веков почти двухтысячелетие. Потому что очень рано, очень быстро литургия соединилась с пением, и отказаться от этого не смогут, и конечно, не только по привычке, а потому, что это пение несет в себе нечто большее.

Вот недавно один замечательный священник, очень мною уважаемый, высказал такую точку зрения: церковное пение во время литургии должно только не мешать молиться вслух. Что человек должен обязательно молиться вслух, а хор должен не мешать этому. Так давайте мы вообще его уберем — и всё. И он не будет нам мешать.

Но я думаю, что мы не сможем это сделать. Потому что он нам помогает, а не мешает. Он нам, может быть, "мешает" услышать то, что священник читает, но не потому, что хочет мешать. Его поставили, если хотите, вместо священника. Вместо священнической молитвы поставили хор не случайно, а потому, что священник, оказывается не смог включить народ в свою молитву. А хору это удастся лучше. В каком-то смысле церковное пение исполняет ту задачу, которую не может выполнить священник в тех условиях, которые наличествуют у нас сегодня.

А первой христианской общине, когда собирались в маленькой комнате, может быть, 9 или 15 человек, в обстановке гонений, когда все они, конечно, горели душой, можно было читать вслух молитвы "едиными усты, единым сердцем" и пение было не нужно, потому что душа горела и так. Если же сейчас вы найдете священника, который сможет в нашем обычном приходском храме, где собирается 300 человек, если не 1000, прочесть молитвы литургии так, что все будут молиться, я сочту, что это чудо. Думаю, что вы не найдете ни одного такого священника. И тот священник, который читает вслух эти молитвы, делает это обычно в будние дни, когда народу мало, а в праздники, когда народу много, он читает их про себя. Так что весь народ он не может включить в свою молитву.

Вот это рассогласование, когда священник молится, а народ не включается, не отвечает — оно невозможно в литургии. Так литургию служить невозможно. Я буду кричать, молиться так, чтобы все слышали, а народ не будет все равно слышать, не будет со мной вместе повторять, не будет со мной вместе молиться. Тогда литургия станет невозможной, ее служить станет нельзя.

И вот когда так стало, когда это стало реальностью, тогда Церковь пошла по другому пути. Священник молитву читает, а с народом поет хор, и народ молится с хором. Проще и более непосредственно, по-детски, если можно так выразиться. Мы ведь от ребенка не требуем, чтобы он все молитвы понимал, но ребенку очень легко петь. Два-три простых слова он будет петь, и сердце его будет петь. Если хотите, народ на таком вот детском уровне может участвовать в служении литургии. Но красота церковного пения, его глубина и величие приподнимают людей с

— 8 детского уровня, и тут начинается некое новое богословие — богословие в музыке, в пении, в звуке. И этот путь молитвы оказался таким плодотворным, таким богатым, он так много дал, так много накопил удивительных богатств духовных, что от него уже теперь Церковь отказаться не может.

Так же, как не сможет Церковь взять и выбросить свои иконы. Ведь у первохристиан не было икон, не было иконостаса, и было хорошо, когда все стояли около престола. Но теперь, если мы пожелаем вернуться к тому времени и начнем рушить свои иконы, выбрасывать их, Церковь за нами не пойдет, Церковь этого сделать не сможет, потому что в иконах тоже так много благодати, так много духовного прозрения, так много благодатного знания Бога, потому что в них тоже присутствует, живет такая молитва, от которой не может отказаться Церковь сегодня.

Итак, мы с вами находимся перед фактом, что Церковь сегодня не готова и, может быть, даже не собирается перестроить способ своего служения и произносить тайные молитвы вслух. Из этого нужно исходить и не нужно сердиться, а просто эти молитвы узнать и посылить и наиболее полно участвовать в служении Божественной литургии.

Ну вот на Западе, например, очень часто бывает так, что молящиеся имеют у себя служебники и читают эти молитвы в то время, как играет орган — скажем, у католиков. У нас была попытка до революции издать такие краткие молитвословчики, где указывалось, какую молитву надо читать во время того или другого пения, но это была почти смешная попытка подменить всю литургию, потому что авторы этих молитвословов не освободились от мысли, что молитвы, которые читает священник, секретны, поэтому они туда вставили совсем другие молитвы. Священник пусть читает эти "секретные" молитвы в алтаре, а народ пусть читает те молитвы, которые ему "можно" читать: "Царю Небесный...", 50-й псалом, молитву третьего часа — это можно. А молитву, которая в служебнике, — ни в коем случае! Таким образом попробовали вручить народу молитвословы, которые совершенно подменяют литургию, там

литургийных молитв полностью просто нет. Но это не удалось, не получилось. Однако молитвословы эти были изданы большими тиражами.

Может быть, мы и дорастем до того, что каждый верующий будет иметь в руках служебник и будет вместе со священником молиться теми молитвами, которые мы имеем с древности. Хотя сейчас, я думаю, очень многие духовники вам скажут: "Что? Вы взяли служебник в руки? Это только священник имеет право делать, а вам только издали можно посмотреть".

На самом деле служебник — это не такая книга, к которой нельзя прикоснуться, которая имеет гриф "совершенно секретно". И молитвы литургии печатались много раз в разных изданиях, в том числе в изданиях Московской патриархии, доступных для чтения. Можно взять их в библиотеке, ничего секретного там нет, и никакой просвещенный человек не запретит прикоснуться к служебнику. Так что все вы можете, конечно, иметь служебники и ознакомиться с этими молитвами.

Но есть другая опасность, о которой, может быть, не всегда говорят, но которую чувствуют духовники. Это опасность совершенно другого плана: она в том, что нам с вами очень часто приходится подменять благоговение страхом Божиим. Благоговения у нас не хватает, трепета сердечного не хватает, так вот пусть у нас будет хотя бы страх, что нельзя прикасаться — святыня. Поэтому-то у нас инстинктивно в церкви так много запретов: нельзя подойти, нельзя поцеловать, нельзя прикоснуться, нельзя

— 9 шагнуть туда, сюда, на коврик встать. Почему? Разве коврик святой? И по нему нельзя ходить простым людям?

Нет, это есть инстинктивное желание сохранить в церкви вот такое благоговение. И если в молитве оно не достигается, мы не умеем его сохранить, привыкая к тем или иным текстам, то хотя бы страх пусть будет: нельзя тебе, ты — грешник. И духовники хотят это удержать, и, в общем, это имеет свой смысл. Поэтому когда меня спрашивают: "Могу я, стоя на литургии, читать все тайные молитвы?" — я отвечаю: "Да лучше не стоит. Пусть тайные молитвы читает все-таки священник...". Ну, некоторые можно почитать дома, можно знать их. Можно, конечно, и на литургии подержать служебник в руках, но если все время ходить с ним, то пройдет месяц — и уже ничего не будешь чувствовать. Могут спросить: а что, священник не гарантирован разве от такого привыкания? Увы, нет, и священники тоже не гарантированы. И очень часто они тоже привыкают и начинают совершенно автоматически читать эти молитвы, не включая свое сердце, и тогда горе им, тогда это страшно.

Но священнику в каком-то смысле не то чтобы легче — он поставлен в особые условия, т.е. для него создается особая атмосфера, чтобы он в этой атмосфере мог сосредоточиться. Ведь он в алтаре, там меньше всяких развлечений. И жизнь у него другая должна быть, он должен себя особенным образом хранить от всякой суеты, от всяких развлечений. В общем, он должен прикладывать специальные усилия, которых мы не можем потребовать от всех наших мирян. Поэтому священник в особенности должен сохранять вот это благоговение.

Это такое длинное отступление я сделал о тайных молитвах, которое приостановило наше с вами изучение литургии, но отступление, я думаю, очень важное, потому что без него мы с вами ничего не поймем, т.е., без понимания этой проблемы мы не поймем, почему в церкви так, и что происходит, и как к этому относиться. И будем, действительно, так не по разуму ломать иконостасы и выносить престолы, как это делали обновленцы и живоцерковники, или будем запрещать хору петь, "мешать" нам, или не будем понимать, каким должно быть церковное пение. Одним словом, есть много крайностей. Можно, действительно, всем раздать служебники на руки и таким образом тоже потерять очень много. Множество разных трудностей здесь нас подстерегают. Очень важно, чтобы мы поняли суть проблемы: включить наше сердце всеми возможными способами, чтобы оно участвовало в совершении самого великого, самого высокого, самого достойного и праведного, что только есть на свете, — того таинства, к которому, как говорят, святые ангелы желают приникнуть. Того таинства, которое являет нам Бога. И горе нам, если мы, совершая это таинство, остаемся безучастными, если мы в это время думаем только о том, чтобы свою сумку удержать, чтобы ее кто-нибудь не украл, или еще что-нибудь. Если мы не можем оторваться от своей суеты, если остаемся заземленными, не можем приподняться над нашим бытом, — горе нам тогда. И тогда, конечно, литургия будет прятаться от нас за иконостас, в алтарь, а потом, может быть, вообще уйдет от нас. Это может быть.

Сделаю еще одно отступление. Вот у нас было гонение, были трудности, мы лишились множества храмов, священников благоговейных и монастырей, духовных школ, духовной литературы. Почему?

Я думаю, что одной из причин было именно отсутствие благоговения, потеря благоговения. Православная жизнь на Руси стала просто бытом, просто некоторой бытовой христианской тра — 10 дицией — и больше ничем. То есть, люди перестали чувствовать, что к ним приходит Сын Божий, они забыли о своем призвании и забыли ту цену, которой они получили свою православную веру и Церковь. И Церковь у них отнялась.

Это может быть и по-другому. Вот мне только что рассказали, как в Канаде протекает жизнь. Вернулась одна знакомая, которая была в Канаде в гостях у одной очень хорошей пожилой монахини. Монахиня

эта живет как бы в скиту, там есть маленький, крохотный храмик. С ней живут пожилой священник и пожилой епископ и еще несколько человек. Вот такой маленький скиток.

Там все благополучно. Они живут вдаль от города, там очень красивая природа, у них все есть, им ничто не угрожает.

И вот эта знакомая прожила там полтора месяца и была поражена тем, что за это время они не совершили ни одной литургии. Они в воскресенье только лишь служат вместе обедню в течение 35 минут. И никто не причащается.

Она спрашивает: "Вы не причащаетесь никогда Таин Христовых?". Одна старушка сказала, что она причащается на день ангела своего запасными Дарами, потому что литургию не служат. "Как не служат? Вообще не служат? А на Рождество?" — "Нет, не служат". — "А на Пасху?" — "Тоже не служат, только обедню". "А почему?" — "А потому что нужно просфоры печь, нужно проскомидию совершать..." Это же все трудно. И матушка своему батюшке не позволяет так утруждаться. Зачем? И так они получают свою пенсию, все у них в порядке, ничего им не нужно — зачем трудиться? А если уж очень нужно, запасными Дарами причастимся — и все.

И литургия ушла из их жизни. А уж если они один раз на именины батюшки служат литургию, то батюшка их, может, и причастит, но уж исповедовать никого не будет. Так что они не помнят, когда исповедались. Исповедь от них совсем ушла... Так что если мы будем жить недостойно, если мы не будем участвовать в литургии по-настоящему, то все может от нас тем или иным образом уйти. И должно уйти.

Вот поэтому-то мы и изучаем литургию, чтобы участвовать в ней всем сердцем, всем разумением своим, всей своей жизнью, всем своим существом. Но стремясь к такому полному участию в литургии, к настоящему служению литургии, мы должны быть очень осторожны с церковным преданием. Ни в коем случае нельзя принимать легкомысленных самостийных решений: а вот возьму и вернусь к служению первых христиан. Это так просто не делается, это не может быть сделано одним человеком или одной общиной, это делается лишь соборным разумом йеркви, потому что здесь есть очень многое, что нажито в течение тысячелетий, что нельзя просто взять и сломать, выкинуть. Нужно очень бережно относиться к церковному преданию. И вот мы с вами будем изучать литургию возможно подробнее, но не будем призывать к тому, чтобы...

...начать здесь реконструировать мы не можем, это принадлежит только соборному разуму Церкви или святым людям.

Закончив на этом свое отступление, скажу, что после мирной ектении мы слышим, как клиросы поют так называемые антифоны. Само название антифона означает, что какие-то песнопения поются попеременно двумя хорами. Антифон — два противостоящих хора. То один поет, то другой.

Какие же песнопения называются по этому способу пения? Антифонное пение встречается часто в богослужении, а литургические антифоны — это вполне определенная вещь, имеющая совершенно определенное происхождение. В древности в Византии цер

— 11 ковная жизнь складывалась несколько иначе, чем у нас. Древние города были немногочисленны по количеству жителей. В центре Византии стоит до сих пор, может быть, величайший православный храм, который называется Айя-София (Св.София). К сожалению, этот храм отобран турками и превращен в мечеть.

Этот храм вмещал в себя, по существу, все православное население Цареграда (Константинополя). И в праздник, в воскресный день епископы и священники, весь православный народ сходились в Св.Софию для того, чтобы здесь вместе совершить литургию. Идея была проста: литургия должна быть одна, все вместе могут совершить литургию, вместе причаститься. Литургия должна быть соединением всех. Мы молимся так: "О Свышнем мире и соединении всех Господу помолимся". Потом стали строиться другие храмы, а может быть, не потом, а сначала — одним словом, существовали другие храмы в Константинополе, и была традиция: на праздник идти в тот храм, который был посвящен этому празднику.

Вот, например, был храм великомученицы Ирины, очень чтимой и любимой греками. И в день вмч.Ирины все собирались в Св.Софию и потом во главе с Патриархом шли в тот храм, чтобы там служить литургию. Духовенство вместе с мирянами брали с собой, конечно, святые какие-то и крестным ходом шли в другой храм. По дороге пели молитвы, псалмы попеременно, разными хорами — это и были антифоны. Это было как бы литийное пение, предваряющее литургию.

Потом уже на Руси, а может быть, и в Византии поздней, но в особенности на Руси, это все изменилось, и уже никто никуда не ходит, а просто приходим в свой храм и там молимся.

Вообще в России очень многое зависит от географической ситуации. Греция очень маленькая страна, очень тесная, а Россия с ее огромными пространствами все изменила сразу.

Так вот, поется антифон, потом бывает ектения, потом бывает молитва священника и возглас, опять антифон, опять ектения, опять молитва и возглас. Антифоны бывают разные. Те, которые поются по

воскресеньям, называются "изобразительны"; бывают антифоны будничные, которые теперь мало где поются, к сожалению, хотя они очень красивы. Бывают антифоны праздничные, которые поются на двенадцатые Господские праздники. Все это теперь уже, конечно, без всякого крестного хода и очень часто уже по существу без антифонного пения, т.е. без двух хоров, а только одним хором поется на одном клиросе. Но название сохраняется прежнее: антифоны. После антифонов совершается так называемый малый вход. О нем я буду говорить в следующий раз.